

шениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. – Минск: «Беларусь». – Т. 4. 1945-1955. – 616 с.

14. Аненкаў, В. Магілёўскі абласны краязнаўчы музей / В. Аненкаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. – Т. 5. – С. 24.

15. Аржаева, Л.В. Ваўкавыскі дзяржаўны ваенна-гістарычны музей / Л.В. Аржаева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – Т. 2. – С. 234-235.

16. Постановление Пленума ЦК КП (б) Б «О восстановлении Дома-музея I-го съезда РСДРП» 18 сентября 1945 г. – Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК: в 6 т. – Минск: «Беларусь» – Т. 4., 1945-1955. – 616 с.

17. Баркун, Г.І. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны / Г.І. Баркун // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. – Т. 1. – С. 427-428.

18. Варанкова, І. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны / І. Варанкова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 10. – С. 2, 23-24.

«ДОЖИНКИ» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

Кедрик Т.В., ст. преподаватель

Внешний вид города, архитектура, застройка, планировка и организация пространства являются отличительными признаками города, узнаваемыми и очевидными. Мы узнаем города по особым зданиям, по наличию городской площади, производственных и рекреационных зон и т. д. Важной составляющей современных европейских городов является культурно-историческое наследие – своеобразная символическая «память» городов. Именно наследие является доминантой городского культурного ландшафта, определяет его уникальность и особенность. Культурный ландшафт отражает эволюцию человеческого общества под влиянием условий природной среды и социальных, экономических, культурных процессов.

Понятие культурного ландшафта сегодня является ключевым в понимании проблем сохранения природных и историко-культурных территориальных комплексов. По определению, данному в Статье 1

Конвенции по Всемирному наследию, культурные ландшафты представляют «совместные творения человека и природы» [3].

Директор Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО Франческо Бондарин определил значение и роль культурного ландшафта следующим образом: «Культурные ландшафты представляют национальный дух народов и их традиционный стиль жизни, они заставляют осознать единство окружающей нас среды и составляют основу нашего благосостояния, служат индикаторами развития общества и отражают его гуманистическую природу» [4, с. 5].

Понятие «культурный ландшафт» изначально возникло в рамках географической науки, где акцентируется внимание на антропогенном воздействии на природно-территориальные комплексы. Однако в последнее время обозначилась тенденция «гуманитаризации» понятия и включения его в дискурс социогуманитарного знания. Выделяют два основных подхода к определению понятия «культурного ландшафта» – этнолого-географический и информационно-аксиологический [4]. С точки зрения первого подхода, культурный ландшафт понимается как освоенный этносом природный ландшафт. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является информационно-аксиологический подход, где культурный ландшафт определяется как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [4, с. 16]. Преимуществом данного подхода является равновесие культурологической и природно-географической исследовательских парадигм и возможность всесторонней аксиологической интерпретации окружающего мира. Следует подчеркнуть, что понятие «культурный ландшафт» не ограничивается материальным наполнением. Определяющим его формирование фактором и ведущим компонентом является система духовно-религиозных, морально-нравственных, эстетических, интеллектуальных и иных ценностей. Культурным ландшафтом является всякое земное пространство, которое определенная группа людей освоила утилитарно, семантически и символически. Человек, обживая некоторую территорию (пространство), «осмысляет» ее, наделяя системой географических названий, символикой, местным

фольклором и т. п. «Городское пространство – это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами» [1, с. 23].

Важнейшей частью культурного ландшафта является историко-культурное наследие, сохраняемое в виде овеществленных объектов, традиционной деятельности людей или информации. В некоторых культурных ландшафтах наследие является доминирующим, определяющим ход всех происходящих на их территории общественных процессов. Это, прежде всего, комплексные историко-культурные и природные образования, являющиеся носителями исторической памяти, связанные с местами, хранящими в себе материальные и нематериальные свидетельства исторической памяти – памятники архитектуры, археологии, этнологии, топонимы, архивные и библиографические источники, разнообразные объекты и предметы – природные и антропогенные, указывающие на связь ландшафта с историческими событиями, определившими судьбу страны, народов, ее населяющих, их культуру, а также с жизнью великих людей, внесших особо значимый вклад в становление и развитие страны.

Сохранение и реновация историко-культурного наследия являются важным вопросом в культурной политике любого государства. В Беларуси разработаны и осуществляются республиканские и региональные программы по охране, реновации и реинтерпретации историко-культурного наследия. Реализация таких программ имеет научную обоснованность и соответствующие методы. В последнее десятилетие культурные ландшафты белорусских городов оказались под воздействием преобразований, которые происходят во время подготовки к республиканским праздникам, таким, например, как «День белорусской письменности» или «Дожинки». С каждым годом такие преобразования приобретают все более масштабный характер. Трансформации включают изменения трассировки улиц, строительство крупных спортивных и других инфраструктурных объектов и реновации объектов наследия. В связи с этим возникает вопрос, в какой мере эти преобразования влияют на традиции памяти, городскую идентичность, на ключевые и второстепенные объекты городской истории, своеобразии культурных ландшафтов белорусских городов в прошлом и настоящем?

Поскольку большинство преобразований реализуется в довольно быстром темпе и по типовым планам, то в такой ситуации вопросы сохранения и реновации исторического наследия городов приобретают особую актуальность и остроту. Почти в каждом городе, где проходил такой праздник, можно найти значительные трансформации культурного ландшафта, которые часто вызывают споры и даже конфликтные ситуации.

На наш взгляд, самый значительный трансформационный потенциал имеет фестиваль-ярмарка тружеников села «Дожинки», который проводится ежегодно с 1996 г. «Столицами» республиканских «Дожинок» стали уже 16 районных центров, небольшие города с населением 40-60 тыс. человек.

Вначале процесс подготовки к празднику носил «косметический» характер – асфальтировали центральные улицы, красили фасады домов. Но со временем «дожиночные» преобразования приобретают вид своеобразной инвестиционной программой, а суммы, выделяемые на их осуществление, становятся все большими, а преобразования – масштабными. В местной прессе, которая описывает трансформации, можно встретить сравнение «дожиночных» преобразований с восстановлением городов после Великой Отечественной войны. Например, в Кобрине «Дожинки» называли «третьим днем рождения» [2, с. 50], который равнозначен образованию города и послевоенному восстановлению.

Процесс трансформации уже приобрел стандартизированные шаблонные формы, что способствует стиранию культурного разнообразия белорусских регионов, их унификации. Эта унификация характерна не только для новых объектов, но и в работе с объектами наследия, что приводит к исчезновению уникальной идентичности городов. Происходит серьезная трансформация городского культурного ландшафта: исчезают традиционные места памяти, искусственно извне насаждаются новые.

Сложился определенный «дожиночный стандарт», в который в обязательном порядке входят ремонт инфраструктурных объектов города (от канализации и путепроводов до вокзалов и гостиниц), строительство крупных спортивных сооружений (с 2006 г. было построено семь ледовых дворцов), создание пешеходных зон (с 2006 г.) и набережных (с 2001 г.), установка парковой скульптуры (с 2006 г.) и фонтанов в центре города. В разных городах встречаются

одинаковые скамейки и фонари, одинаковая плитка и очень схожие газоны и цветники. Заданная таким образом норма «красоты» и «образа города» ретранслируется и в дальнейших преобразованиях городского ландшафта. Этот унифицированный стиль не имеет каких-то четких культурных отсылок или апелляций, поскольку складывается спонтанно, под воздействием экономических, административных и иных внешних факторов, а также в силу эстетического и культурного развития тех, кто принимает окончательные решения. В ходе организации благоустройства города не обнаруживается установка на выявление или создание особого образа своего города.

Реновация историко-культурного наследия не является главным приоритетом «дожиночных» преобразований, но каждый раз исторические здания и ландшафты попадают в эпицентр трансформаций, поскольку находятся в центральной части городов. «Как правило, национальная модель городской консервации, разрабатываемая правительством и национальной интеллектуальной элитой, а затем реализуемая на локальном уровне, совершенно недвусмысленно апеллирует к национальной исторической мифологии о, так называемом, «золотом веке»» [5, с. 32]. Трудно сказать, существует ли подобный подход и продуманная последовательная стратегия работы с архитектурным наследием в процессе подготовки к «Дожинкам». В работе с наследием отсутствует подготовительный этап, который должен включать комплексные научные исследования, изучение городской идентичности и создание ясного исторического облика, который может быть интересен и привлекателен и будет прочитываться в городском культурном ландшафте.

В каждом отдельном случае мы сталкиваемся со случайным, порой удачным, порой нет, стечением различных факторов и обстоятельств. В некоторых случаях объекты наследия не попадают в поле зрения и остаются в прежнем, часто довольно запущенном состоянии, в других – объекты наследия разрушаются, либо переносятся, а в некоторых, более редких случаях их постигает лучшая участь – они восстанавливаются и становятся значительными элементами культурного ландшафта. Примером таких положительных трансформаций можно назвать реконструкцию городской ратуши с торговыми рядами в Шклове и восстановление здания иезуитского коллегіума в Орше. Такие объекты не только положительно влияют на образ города, городской ландшафт, но и повышают его туристи-

ческую привлекательность. Однако таких положительных примеров не слишком много.

Различные подходы к работе с культурными ландшафтами в процессе подготовки к «Дожинкам» представим на примере шести городов, которые в разные годы были «столицами» «Дожинок» – Мозырь (2001 г.), Волковыск (2004 г.), Бобруйск (2006 г.), Орша (2008 г.), Кобрин (2009 г.), Молодечно (2011 г.).

В Мозыре в число объектов историко-культурного наследия, которые затронули «дожиночные» преобразования, вошли исторический центр города, который полностью внесен в Государственный список историко-культурных ценностей и археологический памятник – мозырское замчище.

Площадь Ленина, которая является частью исторического центра, во время подготовки к празднику была немного изменена – была увеличена ее пешеходная часть, но это не изменило кардинальным образом композиционные свойства пространства. Вся пешеходная часть была вымощена тротуарной плиткой. В советское время в центре, в том числе и на площади Ленина, было снесено большое количество деревянных зданий. Во время подготовки к «Дожинкам» вопрос восстановления этой застройки даже и не поднимался.

На мозырском замчище, которое находится на горе Коммунаров, археологические раскопки проводились уже с 1970-х гг. На его территории действовал местный краеведческий музей. Именно «Дожинки» поспособствовали ускорению исследований и завершению раскопок и возведению в 2005 г., к 850-летию города, бутафорского «древнерусского» замчища.

В Волковыске большинство исторических объектов не было затронуто «Дожинками», только историческая застройка по улице Желудева, ведущей от вокзала к центру города, была восстановлена. Но это восстановление осуществлялось собственниками зданий (на улице много магазинов) и поэтому какого-то стилистического единства и композиционности не наблюдается. Фасады некоторых кирпичных зданий были оштукатурены, в результате чего потеряли элементы декора и свой оригинальный образ.

Во время подготовки к «Дожинкам» в городе велись широко-масштабные земляные работы, но археологические раскопки не проводились, следовательно, археологические культурные слои бы-

ли потеряны. К военно-историческому музею был достроен новый корпус, а старый, который и является историческим памятником, был косметически отремонтирован. Преобразования никак не коснулись костела, церкви, еврейского и католического кладбищ.

Историко-культурный потенциал Волковыска выглядит недооцененным, все преобразования были направлены на создание новых объектов либо на ремонт старых, очевидно, что актуализация наследия не входило здесь в планы трансформаций.

Бобруйск, по сути, сохранил почти весь исторический центр. Нетронутыми с начала XX в. остались целые кварталы, улицы, торговые площади, состоящие в основном из одноэтажных еврейских кирпичных или деревянных домов с богатым декором. Среди них есть несколько выдающихся зданий, внесенных в списки историко-культурного наследия. То, что вся эта застройка почти не была затронута «дожиночными» преобразованиями, наверное, является положительным фактом, хотя, понятно, что многие объекты требуют реставрации. Довольно много, даже в центральной части города, заброшенных зданий и сооружений, которые не используются. Большинство из них связано с еврейской историей, которая в городском ландшафте умышленно или неумышленно не актуализируется. В городе почти отсутствуют вывески или мемориальные доски, которые отсылают к этому значительному историческому слою города. Ярким примером может служить памятник деревянной архитектуры стиля модерн – дом купчихи Кацнельсон, которая была меценаткой и в свое время много сделала для города. После революции в доме располагался ревком, а сейчас находится районная библиотека. На доме имеется памятная доска о ревкоме, но нет никаких упоминаний о купчихе, благодаря которой этот памятник архитектуры появился.

Во время «Дожинок» поднимался вопрос о еще одном проблемном для города объекте – католическом костеле, к главному фасаду которого в советские времена было достроено административное здание, которое закрыло собой неоготический фасад костела. Но стороны так и не достигли взаимопонимания в решении этого вопроса и фасад костела так и не был восстановлен.

Наверное, единственным объектом наследия, который выиграл от «Дожинок», стала Бобруйская крепость. Главным стало то, что праздник позволил привлечь внимание общественности и руково-

дства страны к этому масштабному памятнику, который уже начал разрушаться. Благодаря появлению на территории крепости ледовой арены часть крепости была благоустроена, появились планы по ее ревитализации. Но пока этому объекту не хватает интерпретативных мероприятий – информационных стендов, маршрутов, так как из-за большой площади, которую занимала крепость, не складывается единого композиционного представления, а вывески на зданиях малоинформативны. Особую озабоченность вызывает судьба старейшего здания в городе, которое расположено на территории крепости, бывшего монастыря иезуитов. Этот памятник архитектуры стиля рококо находится в полном запустении и уже несколько раз горел.

Самым положительным результатом воздействия «Дожинок» на Бобруйск стало, прежде всего, то, что ничего ценного не было разрушено.

Наверное, самым позитивным примером из всех городов, где проходили «Дожинки», в плане ревитализации наследия стала Орша. Большинство преобразований происходили именно в исторической части города. Были реконструированы здание бывшего иезуитского коллегиума, где в советские времена располагалась тюрьма, ряд деревянных и кирпичных зданий, благоустроен курган «Городище», на старых стенах бывшей церкви возведена новая, которая стилистически вписывается в историко-культурный ландшафт. При всех положительных сторонах преобразований нужно заметить, что был снесен кирпичный дом начала XX в. и часть деревянной застройки, при восстановлении коллегиума уничтожена часть бывшей монастырской ограды. Был перенесен памятник В. Короткевичу, что создало конфликтную ситуацию между властями и общественностью. Именно в Орше состоялась «историзация» культурного ландшафта и актуализация наследия, что, безусловно, сформировало более притягательный образ города. Восстановленные объекты активно используются горожанами: на городище фотографируются молодожены, в музее «Млын» и в коллегиуме проводятся свадебные обряды в народном либо шляхетском стиле.

Можно сказать, что «Дожинки» действительно вдохнули новую жизнь в город, но это произошло не путем создания большого количества новых современных объектов, а именно путем ревитали-

зации историко-культурного наследия и его корректной интерпретации в культурном ландшафте города.

В Кобрине, где довольно много объектов культурно-исторического наследия, ставка была сделана не на них, а на совершенно новые инфраструктурные объекты, которых появилось немало. Ремонт кобринских объектов наследия не учитывал их исторического прошлого, проектами не были предусмотрены интерпретативные элементы декора. Вся стилистику ремонта можно вложить в понятие «евроремонт»: замена покрытий крыш на металлопрофиль, установка пластиковых окон и дверей в зданиях на центральных улицах, окраска и оштукатуривание. Можно найти элементы легкой ретроизации пространства – кованые перила, скамейки, фонари в ретро-стилистике. Однако все это не апеллирует к какой-то определенной эпохе или стилистике. Также несколько зданий, имевших историческую ценность, были снесены.

На месте Дома культуры, первоначальная реконструкция которого, по сути, стала возведением здания заново, были найдены стены бывшей церкви, но никаких археологических работ не было проведено.

В Молодечно также преобразования коснулись только центральной части города. Была проведена рекомпозиция Центральной площади – вырублены деревья, увеличена площадь, перенесен камень «Мученикам за Беларусь», на месте которого когда-то планировалось поставить полноценный памятник, вместо него сооружен фонтан «Купалле».

Территория с наибольшей концентрацией памятников, площадь Старое место и прилегающие к ней улицы, осталась почти не затронутой. Не было даже попытки превратить это пространство в туристическое место и оно никак не было актуализировано. Между тем, на площади и около нее имеется несколько аутентичных объектов – церковь, синагога, старые мещанские дома, которые потенциально могли бы стать рекреационной зоной.

Таким образом, приведенные примеры показали, что историко-культурное наследие почти всегда испытывает воздействие «дожиночных» преобразований, но можно сказать точно, что конкретных планов, которые бы учитывали особенность наследия как объекта, не разработано. Все положительные изменения с наследием, которые произошли, скорее можно отнести к случайности или сча-

стливому стечению обстоятельств, чем к продуманной политике в этой сфере. Поскольку с каждым годом «дожиночные» преобразования приобретают масштабность, то нужно уже на стадии планирования продумывать варианты работы с историко-культурным наследием, способы его реновации и реинтерпретации. Ведь именно продуманность трансформаций может сохранить уникальные культурные ландшафты и увеличить туристическую привлекательность малых белорусских городов.

Использованная литература

1. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4. – С. 20–27.

2. Кобрин. Кобрын. Kobrin / Фотоальбом. – Брест: РИА «Вечерний Брест», 2010. – 70 с.

3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // UNESCO World Heritage Centre [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/archive/convention-gu.pdf>. – Дата доступа - 01.05.2013

4. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Институт Наследия; СПб. Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с., ил.

5. Стурейко, С.А. Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь / Степан Стурейко. – Мн.:Юнипак, 2010. – 184 с.

«ТЕЛО» И «ДУША» КАК ВАРИАНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Киселева С.А., ст. преподаватель,

Логовая Е.С., кандидат философских наук, доцент

Человек, будучи существом эгоцентричным, из всего обилия вопросов, задаваемых миру и самому себе выделяет простейший и одновременно постоянно ускользающий от однозначного решения вопрос – «Кто есть Я?». История человеческой цивилизации дает обилие разных интерпретаций этой проблемы. Однако простой ответ не всегда является самым банальным и, более того, бессодержательным. Попробуем разобраться в известной даже школьнику фразе: «Человек – это единство души и тела». Несмотря на лингвистическую и содержательную простоту фразы, она порождает ряд философских вопросов: «Что есть тело?», «Что есть душа?», «Ка-